

Лингвобезопасность и противостояние коммуникативным угрозам в сфере здравоохранения (материалы международного круглого стола, РАНХиГС, телерадиоканал «Русский мир», 21.06.2022)

Linguistic Security and Countering Communicative Threats in the Healthcare Sector (Materials of the International Round Table, RANEPA, Russkiy Mir TV and Radio Channel, 06/21/2022)

DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-6-85-94

Получено: 08 сентября 2022 г. / Одобрено: 30 сентября 2022 г. / Опубликовано: 26 декабря 2022 г.

Г.Г. Слышкин

Д-р филол. наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», ORCID: 0000-0001-8121-0250, e-mail: ggsl@yandex.ru

G.G. Slyshkin

Doctor of Philology, Professor, Head of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact» of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, e-mail: ggsl@yandex.ru

Л.Е. Малыгина

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», профессор Высшей школы (факультета) телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова, ORCID: 0000-0002-0056-8160, Researcher ID: D-6901-2019 e-mail: admlikbez@mail.ru

L.E. Malygina

Doctor of Philology, Leading Researcher of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact» of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Higher School (Faculty) of Television of Lomonosov Moscow State University, e-mail: admlikbez@mail.ru

Е.С. Павлова

Руководитель блока внутренних коммуникации АО «Русагротранс», ORCID: 0000-0001-7644-1564, Россия, 123022, Москва, ул. Ходынская д. 2 — 446, e-mail: epav1129@gmail.com

E.S. Pavlova

Head of Internal Communications Block, JSC Rusagrotrans e-mail: epav1129@gmail.com

А.А. Сорокин

Эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», ORCID: 0000-0002-2432-4179, e-mail: andsorokin@mail.ru

A.A. Sorokin

Expert of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact» of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, e-mail: andsorokin@mail.ru

Аннотация

Материалы международного круглого стола «Лингвобезопасность. Антивакцинаторство как коммуникативная угроза: языковые механизмы манипуляции сознанием», организованного сотрудниками научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. В ходе обсуждения рассмотрен изменившийся характер коммуникационных угроз в целом, особо уделили внимание деструктивным потокам медицинской тематики, в частности, сформировавшимся стереотипам, антиценности антивакцинаторского дискурса. Участники дискуссии разграничили такие понятия, как «ковид-диссидентство» и «антивакцинаторство». Дан экскурс в историю вакцинации, прослежен путь возникновения антивакцинаторского дискурса. Проанализирован советский опыт работы с санпросвещением, а также китайские практики с момента образования КНР до наших дней. Участники круглого стола выделили методы, с помощью которых удерживается российская аудитория и вовлекаются новые пользователи, подробно остановились на стратегии близости, активно используемой антивакцинаторами. Предложены тактики консолидации общества в кризисные периоды, особо выделены стратегии номинации, эвфемизации, которая из манипуляторного средства способна стать терапевтическим методом с помощью митигации, так называемого смягчения. Также обозначены функции черного юмора как популярной формы народного противостояния деструктивным информационным потокам. Выдвинуты предложения по разработке стратегических программ по подготовке новых специалистов, таких как «инфодемидолог», где в равной степени будут учитываться информационные и биологические аспекты при освещении тем общественного здравоохранения. Тактическими мерами ближайшего будущего представляется усовершенствование законодательства в области маркировки контента.

Ключевые слова: лингвобезопасность, антивакцинаторство, стратегия близости, стратегия номинации, черный юмор, маркировка контента.

Abstract

Review of the round table “Linguistic security. Anti-vaccination as a communicative threat: linguistic mechanisms of consciousness manipulation”, organized by the staff of the research laboratory “Linguistic security and psychology of information impact” of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. During the discussion, the changed nature of communication threats in general was considered, and the destructive flows of medical topics, in particular, the formed stereotypes and anti-values of the anti-vaccination discourse, were highlighted. The participants in the discussion distinguished between such concepts as “covid dissident” and “anti-vaccination”. An excursion into the history of vaccination is given, the path of the emergence of anti-vaccination discourse is traced. The Soviet experience of working with health education, as well as Chinese practices from the moment of the formation of the PRC to the present day, are analyzed. The participants of the round table highlighted the methods by which the Russian audience is retained and new users are involved, they dwelled in detail on the proximity strategy actively used by anti-vaccinators. Tactics for consolidating society in times of crisis are proposed, special attention is paid to the strategy of nomination, euphemization, which, from a manipulatory means, can become a therapeutic method with the help of mitigation. The functions of black humor as a popular form of popular opposition to destructive information flows are also indicated. Proposals have been put forward for the development of strategic programs for the training of new specialists, such as “infodemiologist”, where informational and biological aspects will be equally taken into account when covering public health topics. Improvement of legislation in the field of content labeling seems to be tactical measures in the near future.

Keywords: linguistic security, anti-vaccination, proximity strategy, nomination strategy, black humor, content labeling.

Введение

Лингвистическая безопасность — это комплекс мер по защите интересов государства, общества и личности в коммуникативном пространстве, это противостояние деструктивным информационным потокам с использованием всего арсенала средств лингвистической экспертизы.

В данной статье представлены мнения экспертов в области лингвистической безопасности и освещаются вопросы, заданные специалистам в рамках круглого стола «Лингвобезопасность. Антивакцинаторство как коммуникативная угроза. Языковые механизмы манипуляции сознанием».

Дискуссия и результаты**1. Лингвобезопасность, коммуникативные угрозы и антивакцинаторский дискурс**

Лингвобезопасность — очень модное слово, которое мы встречаем и на радио, и в телеэфире, и в газетах. Что же это такое?

Г.Г. Слышкин. Как и многие модные слова, термин «лингвобезопасность» появился не от хорошей жизни. Принципиально меняются угрозы, которые подстерегают современного человека. Всё большее место среди них занимают угрозы коммуникативного характера. Приведу небольшой пример. Как часто у представителей предыдущих поколений был шанс

столкнуться с мошенником? Наверное, раз или два раза в жизни. Теперь же ни одного дня не проходит без того, чтобы мы не получили звонок от «сотрудника службы безопасности банка», сообщающего о попытке злоумышленников похитить наши деньги, или от «представителя социальной организации», информирующего о полагающейся нам социальной выплате. Количество деструктивных информационных потоков, которые направлены на нас, неуклонно растёт. Особенно страдает молодёжь. С какими коммуникативными манипуляторами раньше мог столкнуться подросток? Выйти во двор, встретить там отсидевшего уголовника, пытающегося привить детворе криминальные ценности. При наличии здоровой семьи и здорового школьного коллектива ребёнок вполне мог подобному манипулятору противостоять. Современный же подросток сталкивается с манипуляторами-профессионалами, которые коммуницируют с ним через социальную сеть. Он думает, что по ту сторону экрана находится очаровательная девушка, а там на самом деле чат-бот, который создан с использованием лучших психологических методик и заточен на то, чтобы затянуть адресата в экстремистскую деятельность. Именно поэтому государство вынуждено всё больше и больше вторгаться в коммуникативную среду.

Если посмотреть на наше законодательство, мы увидим, что всё большее место занимают регулятивы,

связанные с коммуникацией (например, законы, направленные против фейков и иных типов дезинформации). Поэтому создание научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ стало значимым шагом в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

В связи с коммуникативными угрозами поговорим о том, что волнует всех. Когда и откуда появилась вакцинация? Как она пришла в Россию?

Н.В. Чиж. В Европу вакцинация пришла в 1721 г., когда леди Монтегю, жена английского посланника, вернулась из Османской империи в Великобританию. Леди Монтегю узнала о том, что девушек, которых отбирали для гарема султана, прививали для того, чтобы сохранить их красоту и чтобы они радовали султана своими красивыми лицами, не испорченными отвратительными следами оспы. Леди Монтегю рассказала в высшем свете, что своих детей она уже привила в Константинополе. Ее примеру последовали многие. Таким образом вакцинация пришла на территорию Европы. Начало было положено в Великобритании, чуть позднее за ней последовала Австрия, а затем Пруссия. В Россию вакцинация пришла в 1768 г. в царствование Екатерины II. Императрица очень боялась этой болезни. Она боялась не только умереть от оспы, но и утратить свою женскую красоту. Также она заботилась о здоровье своего наследника. В 1768 г. Екатерина призвала английского специалиста Томаса Димсдейла, который и осуществил прививание императрицы и наследника. В стране это событие встретило большую поддержку. Была выпущена памятная медаль, на которой были изображены Екатерина и наследник и присутствовала надпись: «Собою подала пример». Был поставлен балет «Побеждённое предрассуждение», В.И. Майков написал оду, посвященную подвигу Екатерины. Русская православная церковь также активно поддержала это начинание. Священникам было предписано в проповедях рассказывать о том, что существует способ уберечься от смертельного недуга, и убеждать пастору последовать примеру императрицы.

Когда и как возникло антивакцинаторство как общественное движение, как особый дискурс?

Н.В. Чиж. Антивакцинаторство возникает одновременно с институтом обязательной вакцинации. В 1807 г. в Баварии вводится всеобщее оспопрививание. Государство законодательно вводит обязанность населения прививать детей в младенчестве, это вызывает протест. По мере того как обязательное прививание вводится в европейских странах, в этих странах возникает антивакцинаторское движение.

Особенно силен был протест в Великобритании, поскольку британское правительство мало того, что делает прививание обязательным, но ещё и вводит штрафы и тюремные сроки для родителей, не прививших своих детей. Это вызвало возникновение массового антипрививочного движения в городе Лейстере, который стал центром антивакцинаторства в Велико-британии и оставался таковым вплоть до середины XIX в. Вот это лейстерское движение и можно считать первым организованным проявлением антивакцинаторства.

Антивакцинаторство — это движение, направленное против медицинской науки и института здравоохранения, и одновременно деструктивный информационный поток. А ковид-диссидентство и антивакцинаторство — это одно и то же?

Н.В. Чиж. Это разные вещи. Если антивакцинаторы борются против вакцинной профилактики заболеваний, то ковид-диссиденты и прочие медицинские диссиденты (например, ВИЧ-диссиденты) отрицают само существование заболевания. Они утверждают, что заболевание — миф, созданный «Биг Фармой» или государством. По их мнению, «нет болезни — нет проблемы», а есть лишь заговор, направленный на то, чтобы фармпроизводители могли зарабатывать огромные деньги или чтобы государство могло загнать всех в «цифровой концлагерь». Таким образом, мы имеем дело с двумя разными информационными потоками.

Г.Г. Слышкин. Я должен сказать, что антивакцинаторство — это частность, лишь один из деструктивных информационных потоков медицинской тематики. Есть целый ряд иных: и упомянутое ВИЧ-диссидентство, и различные информационные потоки, связанные с репродуктивностью, материнством и родами. Все они представляют серьезную угрозу национальной безопасности. Эта угроза не связана лишь с ковидом. Ведь с конца 1980-х в стране, победившей практически все тяжелые инфекционные заболевания, вдруг снова подняло голову это анти-медицинское движение, которое когда-то ассоциировалось у нас исключительно с фильмами о басмачах. Помните, фильмы о становлении советской власти в Средней Азии, где русские врачи делают прививки, и хорошие дехкане прививаются, а нехорошие баи им в этом мешают. И вдруг эта деструктивная мифология вновь поднимает голову. Какое-то время она оставалась на периферии общественного сознания, потому что в основном реализовывалась в поведении несознательных родителей, противодействовавших прививанию детей. Соответственно, борьбу за сохранение вакцинопрофилактики вели в основном педиатры. Теперь же антивакцинаторский дискурс выплеснулся в медиaprостранство во всей

полноте стереотипов, антиценностей и языковых манипулятивных технологий.

2. Манипулятивные стратегии в антивакцинаторском дискурсе

Какие ещё бывают манипулятивные стратегии и тактики?

Н.И. Клушина. С точки зрения стилистики манипуляция в целом характерна для использования языка в коммуникации. В каждом развитом языке существуют синонимические названия для одного и того же предмета или явления. И сам факт, какое название выбирает автор для производства своей речи, может трактоваться как манипуляция, поскольку автор, иногда осознанно, иногда интуитивно, стремится оказать максимальное воздействие на своего читателя, слушателя. Если желание воздействовать на своего адресата скрыто от самого адресата, к тому же, если от адресата скрывается полнота информации, источники ее получения, а вместо аргументов приводятся эмоциональные доводы, то мы говорим о речевой манипуляции. И здесь для меня интересна одна из важнейших коммуникативных стратегий — стратегия номинации, т.е. названия предметов и явлений. Не случайно популярна поговорка: «Как корабль назовешь, так он и поплывет». Эта стратегия может использоваться как манипулятивная, и тогда она носит деструктивный характер. А может, наоборот, принести пользу и снизить градус речевой агрессии в заведомо опасной зоне коммуникации. Поскольку сегодня у нас в обществе и вообще в глобальном мире всё время увеличиваются коммуникативные риски и растет речевая агрессия (что мы четко видим на примере дискурса антивакцинаторства), то использование стратегии номинации в «терапевтических целях» способно уменьшить деструктивную коммуникацию.

У нас сейчас прозвучали за нашим круглым столом слова «антивакцинаторы», «ковид-диссиденты», «антиковидники» и т.п. Мы видим здесь очень агрессивную сему, то есть значение «анти» — «против», которая структурирует оппозицию «свой-чужой». Это хорошо известная и изученная архетипическая шкала ценностей, которая позволяет отделить «своих, друзей» от «чужих, врагов». И эта шкала ценностей с древних времен позволяла консолидировать общества перед различными угрозами извне (война, в том числе и холодная или гибридная, идеологическое или религиозное противостояние и т.п.). Но одно дело, когда данная оппозиция «свой-чужой», эта архетипическая шкала ценностей используется для своего общества, и мы таким образом противостояем чужим влияниям. Другое дело, и это очень плохо, на

мой взгляд, когда шкала ценностей «свой-чужой» начинает формироваться внутри самого общества. Когда у нас деструктивная коммуникация базируется на том, что есть антиковидники и есть правильные люди, которые вакцинируются.

С точки зрения лингвобезопасности вольно или невольно мы сами формируем деструктивную коммуникацию внутри своего родного общества. Нас может «спасти» стратегия номинации. Например, мы могли бы использовать другое, более нейтральное слово, вместо слова «антивакцинаторы», хотя, не спорю, оно удобно, оно короткое, оно емкое и указывает на тему противоположностей — есть правильные вакцинаторы, есть неправильные антивакцинаторы. Мне кажется, надо было бы смягчить данную номинацию, использовать, например, слова «сомневающийся», «колеблющиеся», т.е. задействовать известные лингвистам стратегии эвфемизации, митигации — более вежливого отношения к человеку, более корректного высказывания, смягчения грубости, скажем так, вежливыми словами. И отметим, что «колеблющийся», «сомневающийся» — это «свои» всё равно. Если мы подобным образом меняем эту стратегию номинации, мы не множим деструктивную коммуникацию в нашем обществе, а, наоборот, показываем, что с этими людьми надо работать, что они свои. Вот именно, свои! Ну просто не понимают, может быть, не очень хорошо им объяснили.

А каков зарубежный опыт, как обстоят дела за рубежом, как они решают аналогичные вопросы?

Т.Г. Добросклонская. Мы все с вами посредством СМИ вольно или невольно вовлечены в сферу международного общения, вопрос о том, какие манипулятивные технологии применяются за рубежом и как с ними бороться, приобретает особую актуальность.

Наталья Ивановна Клушина считает, что лингвисты должны как-то влиять на то, как используется язык в массмедиа, приложить усилия, чтобы при помощи языка, заменяя резко негативные формулировки на более мягкие, как-то смягчить восприятие людьми негативных реалий. Например, вместо слова «паника» сказать «чувство обеспокоенности», вместо «кризис» писать «спад производства». Это очень известная коммуникативная стратегия митигации, иначе говоря, «уменьшения рисков, смягчения», которая давно известна и активно применяется в западной новостной журналистике, в частности, в англоязычной, уже достаточно долго. Журналистам вместо слова *crisis* рекомендуется употреблять *slowdown* или *recession*, что в принципе совпадает с общим трендом так называемой политкорректности, охватившей современную западную культуру с конца XX в.

Однако, основываясь на моем немалом опыте работы во многих странах, в том числе в Соединённых

Штатах, Германии и Китае, я с сожалением констатирую, что далеко не всё в государстве, политике и даже журналистике зависит от лингвистов. Конечно, было бы лучше, если бы чиновники и представители СМИ чаще советовались с лингвистами-экспертами, но на практике это не так. Кроме того, следует учитывать, что медиарепрезентация и восприятие того или иного явления во многом обусловлены общественными практиками, принятыми в той или иной стране, национальными традициями политической культуры, а также в случае освещения вопросов вакцинации и антивакцинаторства — медицинской культурой.

Часто те слова, которые мы хотели бы смягчить, заимствованы из английского, например, само слово *anti-vax* (антиваксер) зафиксировано в Оксфордском словаре как «слово года», т.е. наиболее часто употребляемое слово, так же, как и слово «антивакцинация», которое фактически превратилось в международный термин, поэтому заменить его на более позитивный, без негативной частицы «анти», представляется сложным. Но в общественной практике, несомненно, и в этом я совершенно согласна со своими коллегами, следует более внимательно относиться к подобным языковым номинациям, используемым для обозначения резонансных явлений.

И вот ещё один пример, связанный с номинацией: если у вас что-то не так с названием, то, конечно, это влияет на саму сущность явления. Среди прочих новообразований, которые породил ковид в английском, есть такое слово *covidiot*, совместившее два значения — «ковид» и «идиот», или человек, защищенный на пандемии.

3. Комический контекст антивакцинаторства

Л.Е. Малыгина. Антивакцинаторские стереотипы часто становятся объектом осмеяния. Любопытно поговорить о помещении в комический контекст как самой популярной форме народного противостояния деструктивным информационным потокам.

Г.Г. Слышкин. Действительно, темы вакцинной профилактики и антивакцинаторства интересны тем, что они вовлекли в сферу своего действия различные типы институциональной и внеинституциональной коммуникации. Здесь и религиозная коммуникация, поскольку первые антивакцинаторы пытались апеллировать к религиозным ценностям. Они говорили, что коль скоро эпидемии — это испытание, ниспосланное Богом, то пытаться искусственно им противостоять нельзя, нужно молиться и соблюдать иные религиозные аскезы. Необходимо отметить, что Русская православная церковь всегда занимала весьма конструктивные позиции по отношению к борьбе с эпидемиями, за что пострадали некоторые её деятели,

например, погибший во время московского чумного бунта архиепископ Амвросий Зертис-Каменский. Это и политическая коммуникация, ведь политические партии во всех странах жёстко дифференцировались по отношению к антиковидным мерам. И конечно же тематика антивакцинаторства обширна представлена в карнавальном или смеховом дискурсе. Исследования современных анекдотов показывают, что социум в целом стоит на провакцинаторских позициях. Анекдоты, высмеивающие вакцинацию как таковую, в коммуникативном пространстве отсутствуют. Осмеянию могут подвергаться издержки масочного режима, введение QR-кодов, но не идея вакцинопрофилактики. Зато существует обширный, уходящий еще в доковидные времена, пласт анекдотов об антивакцинаторстве. Например: *антипрививочники — они как хомяки, вроде и прикольные, но привязываться к ним не стоит...* На самом деле текст, принадлежащий к жанру чёрного юмора, обычно основывается на иносказательной вербализации идеи смерти. Прямая номинация смерти при этом недопустима, адресат должен самостоятельно декодировать парафразу. Именно на этом и основывается комический эффект. Анекдоты об антипрививочниках в этом плане весьма типичны. Приведу несколько примеров:

- *есть вещи, которые никогда не постареют, это шуточки об антипрививочниках и их дети* (отсутствие старости = смерть в раннем возрасте);
- *почему плачет четырёхлетний ребёнок антипрививочника? — А у него кризис среднего возраста* (средний возраст в четыре года = смерть в восемь лет);
- *«антипрививочник» звучит гордо, но недолго* (недолгое существование = ранняя смерть).

Чёрный юмор — это отстранение от себя мысли о смерти путем ее профанизации (в бахтинском смысле). Когда мы переводим страшное в телесный низ, мы отодвигаем страх от себя. Но в данном случае снижается не только страх перед болезнью, но и осуществляется осмеяние неодобряемой социальной группы. Антивакцинаторы позиционируются как глупцы, провоцирующие своей глупостью собственную смерть или смерть близких. Таким образом, фольклорные тексты свидетельствуют о том, что русский народ и русский мир всё же в основе своей за медицину, за ценности здравоохранения, и это прекрасно!

Н.И. Клушина. Возвращаясь к юмору, к обыгрыванию, карнавализации, такого в общем-то грустного дискурса вакцинаторства и антивакцинаторства. Дело в том, что здесь, действительно, реализуется функция терапевтическая. Тот факт, что в нашем обществе, особенно в соцсетях, было очень много всевозможных шуток, обыгрываний, трансформаций

известных выражений, как раз показывает смягчение страшной ситуации. Наш русский язык только выиграл от этого, потому что, по нашим наблюдениям, увеличились синонимические ряды. Например, QR-код, казалось бы, термин официально-деловой. Если посмотрим на стратегии, которые использовались в соцсетях, то найдем и «ку-код», и «кура-код», и даже «ку-кот», т.е. уже и коротко, и смешно. «QR кот» — омоним и красивый рисунок QR-кода в виде кота, с одной стороны, забавная языковая игра, с другой — преодоление стресса.

Фейки — это очень интересный с точки зрения стилистики новый жанр, который мы с моей коллегой и соавтором Анастасией Владимировной Николаевой изучили и описали в нашем учебнике «Введение в интернет-стилистику». В учебнике есть пример иллюстрированной новости, в которой на фото изображена улица Москвы, по улице «гуляют» львы, и написано: «В Москве выпустили львов для устрашения антивакцинаторов». Это не наша пресса, а одна желтая газета Индии напечатала. С одной стороны, это смешно для нашей публики, потому что мы знаем, что никто львов не выпускал. Наши читатели быстро распознали фейк, потому что львы для нас нетипичны, еще тигров уссурийских мы могли бы понять, а львы — это точно не наша страна. Но, с другой стороны, это демонизация образа страны для внешней аудитории с помощью таких грубых фейков. Таким образом, сугубо медицинская тема вакцинаторства разворачивалась во внешнем поле как политическая и таким образом, чтобы уязвить нашу страну, мол, у нас такая страшная действительность, что все методы хороши. Типичная проблема как раз лингвобезопасности, когда с помощью фейков решаются политические задачи дискредитации образа страны.

4. Новообразования и мифологизация коронавирусной эпохи

Г.Г. Слышкин. «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», который мы сегодня уже упоминали, подготовлен Институтом лингвистических исследований РАН. В нем зафиксировано около трех тысяч лексических единиц, которые либо возникли, либо актуализировались (т.е. перешли из пассивного словаря в активный) в период 2020–2021 гг. Появление или изменение статуса этих единиц детерминировано пандемией. Увы, согласен с коллегами: даже беглый просмотр словаря показывает, что, в отличие от китайцев, у нас пандемия стала не интегрирующим, а дезинтегрирующим социальным процессом. Приведу несколько примеров уничтожительных номинаций людей по признаку их отношения к мерам эпидеми-

ологической защиты: «карантин-диссидент», «карантин-кретин», «карантинобес», «карантиноид», «карантиноман», «домосек» — тот, кто соблюдает режим самоизоляции, «домосиделец», «сидидомец», «хоумсексуал», «карантиношашлычник» — тот, кто нарушал режим, для того чтобы пожарить шашлык. Эта креативность проявилась не только в сфере языка. Одним из принципиальных изменений в современной лингвистике, обусловленных спецификой массовой культуры с ее тенденцией к штамповке однотипных текстов, стало расширение ее объекта. Теперь в сферу интересов лингвистики входят не только традиционные слова, фразеологизмы, устойчивые фразы. По сути, единицами языка становятся формульные сюжеты, поскольку они воспроизводимы, обладают синтагматическими и парадигматическими характеристиками, т.е. практически функционируют как обычные языковые единицы.

Как мы уже отмечали, в период пандемии расцвел дискурс, основанный на «теории заговора». Антивакцинаторы стали эксплуатировать ряд старых бродячих сюжетов. Например, сюжет о заговоре «Биг Фармы» — это миф о том, что крупнейшие мировые корпорации-фармпроизводители объединились и либо искусственно продуцируют инфекции, либо создают фейки о них в информационном поле. Вера в манипулятивные деструктивные технологии в народе расцвела. Это очень удобная точка зрения: «Болезни выдуманы жадными капиталистами, чтобы повысить продажи. Государство использует ситуацию, чтобы внедрить через вакцину в наш организм чипы, которые позволят следить за нами и контролировать нас». Сатана также оказался вовлечен в антивакцинаторский дискурс. Приведу небольшой пример, массово разошедшийся по Интернету. Текст написан от лица греческого священника: «*Расскажу вам кратко о моём опыте вакцинации первой дозой Pfizer. Когда я собирался сделать прививку, Бог не допускал меня до неё и посылал мне разные знамения. Тем не менее я пришёл в центр вакцинации и занял очередь на прививку. Когда передо мной оставалось совсем мало людей, я почувствовал, что с трудом продвигаюсь вперёд, потому что меня удерживает какая-то невидимая сила. Чем ближе я подходил к манипуляционной, тем более явно я ощущал исходящее оттуда зловоние. Это меня весьма смутило. После того как я сделал прививку, мир вокруг меня изменился. На выходе я почему-то не смог надеть на голову свою священническую камиллавку — мне стало как-то неловко и стыдно, и потому я понёс её в руках*». Далее следует рассказ о том, как он не мог говорить во время Пасхи «Христос воскрес и воистину воскрес». И высшая точка: «Теперь позвольте мне рассказать самое страшное. Меня начал преследовать Сатана. Его звериный оскал

все время стоял у меня перед глазами, на расстоянии примерно 20 сантиметров от меня, и ночью, и днём. Вечером, когда я ложился в постель, то чувствовал его леденящие объятия и буквально цепенел от ужаса». Далее рассказывается, что протагонист не стал делать вторую инъекцию, и Сатана отступил. Перед нами типичный сказочный сюжет, свидетельствующий о расцвете мифологизированного антивакцинаторского дискурса в эпоху пандемии.

5. Опыт китайского «просвещения» в период эпидемий

Китай многие считают «родной» коронавирусной пандемии. Но в этой стране накоплен большой опыт лингвобезопасности в периоды эпидемий. Очень интересен опыт санитарного просвещения в Китае, пожалуйста, расскажите нам о нем.

А.А. Сорокин. На момент образования КНР в 1949 г., с начала XX в. эпидемиологическая ситуация в Китае была в плачевном состоянии, в общей сложности эпидемии охватили 20 провинций, так, количество зараженных чумой достигало 1,155 млн человек, а количество погибших достигало 1,028 млн, площадь распространения шистосомоза достигала 200 млн га, заболеваемость туберкулезом составляла 4%. Средняя продолжительность жизни — 35 лет, младенческая смертность достигала 20%.

Ухудшала положение Корейская война, начавшаяся в 1950 г., сброшенные США чумные бомбы на северо-восточные регионы и прибрежные части Китая повлекли за собой поражение большим количеством чумных насекомых: мух, блох, пауков и прочих переносчиков инфекционных болезней. Санитарная ситуация требовала основательного подхода.

В 1952 г. был основан Центральный противоэпидемический комитет партии, который принял ряд санитарных мер, мобилизовав военных и мирных граждан страны для уничтожения чумных насекомых, а также профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями, в народе известный как «Патриотическое движение за гигиену и санитария». Позаимствовав положительный опыт Советского Союза, было принято решение сосредоточить внимание на профилактике, гигиене питания, улучшении санитарных условий в сельских и городских районах, промышленной, личной и общественной гигиене.

Большая часть населения Китая была сосредоточена в селах, к 1952 г. сельское население составляло 87,2% от общего населения, поэтому акцент санитарного просвещения и пропаганды концентрировался на сельской местности, которые осуществлялись посредством газет, радио и иллюстративных плакатов, а также собраний и театральных представ-

лений. Среди них плакаты стали одним из наиболее доступных и эффективных инструментов в народном санитарном просвещении.

В это время особую популярность получили плакаты «除四害» («Уничтожение четырех зол») (мух, комаров, мышей и воробьев), например, можно встретить такие призывы: «人人动手，消灭四害» («Каждый берется за дело уничтожения четырех зол»), нередко попадаются плакаты с уничтожением отдельных вредителей: «人人动手·消灭苍蝇!» («Каждый берется за дело уничтожения мух»), «大家都来打麻雀» («Давайте вместе убивать воробьев!»). Из-за серьезной антисанитарии и отсутствия базовых знаний и привычек гигиены в селах и деревнях особенно актуальными были плакаты на тему личной гигиены: «讲卫生有益健康» («Соблюдение гигиены способствует улучшению здоровья»), «饭前便后要洗手» («Мойте руки перед едой и после посещения туалета!»). Детей также приучали к гигиене и здоровому образу жизни: «保持室内清洁» («Содержать в чистоте помещение»); «早晚洗漱» («Умываться, чистить зубы утром и вечером»); «勤洗手»: («Мыть руки»); «喝开水»: («Пить кипяченую воду»); «呼吸新鲜空气»: («Дышать свежим воздухом»); «爱整洁» («Быть опрятным») и т. д.

Агитационные плакаты в большинстве случаев были исполнены в едином стиле социалистического реализма, иллюстрации занимают большую часть полотна, преобладая над текстовым сообщением, сюжеты изображений понятны без дополнительных пояснений. Некоторые надписи дополняются транскрипцией для тех, кто не знает иероглифы.

Такая традиция плакатов сохранилась вплоть до 1980-х гг. В 1960 г. был выдвинут лозунг «以讲卫生为光荣，不讲卫生为耻辱» («Гигиена — доблесть, антисанитария — позор!»), за ним в 1967 г. Государственный совет и Центральная военная комиссия издали «Уведомление о проведении летних патриотических оздоровительных мероприятий», широко известное как «两管五改» («Два контроля и пять модернизаций» — 2 контроля: санитарии воды и навоза, 5 модернизаций: туалетов, колодцев, загонов для скота, кухонной печи и окружающей среды). В сельской местности приняты меры для решения двух основных проблем — воды и навоза, а также по улучшению санитарных условий окружающей среды.

Благодаря грамотно расставленным акцентам в проведении санитарного просвещения удалось потушить очаг антисанитарии и спасти санитарно-эпидемиологическое положение в Китае.

Л.В. Селезнева. У нас в институте в начале учебного года была проблема с непривитыми студентами, которые должны были проходить практику в школе. Без прививок в школу не пускали. Слова «надо», «должен» на студентов не действовали. Мы исполь-

зовали разные стратегии, на то и Институт русского языка им. А.С. Пушкина. Одна из них — стратегия кастомизации, которая получила широкое распространение в бизнесе, т.е. формирование некой среды под одного человека. И мы такую среду формировали, чтобы убедить каждого делать прививки.

Кроме того, для молодежи сейчас привлекательна игра, т.е. продуктивна стратегия геймификации. И мы видим, как наш Пушкин «пошёл» в метро, в музеи, призывая надеть маски. Еще меня очень порадовало наше московское метро, которое использовало стратегию смягчения, когда вместо строгого предупреждения о необходимости носить маски звучала благодарность пассажирам за то, они носят маски: «Спасибо, что вы носите маску». Вот это было очень приятно и, на мой взгляд, более действенно.

Т.Г. Добросклонская. Опыт использования в том числе среди молодёжи имён великих деятелей национальной культуры очень полезен и эффективен. Например, в Китае это Конфуций, который везде. Спросите самого маленького китайца, он уже знает Конфуция. Я надеюсь, что у нас такая же ситуация с Александром Сергеевичем Пушкиным. Конечно, эта стратегия популяризации, когда вы используете имя, личность человека, который известен всем в той или иной национальной культуре, в том числе и самым юным гражданам, она в высшей степени эффективная, она реально работает.

Н.И. Клушина. В мире деструктивной коммуникации, которая ширится и растёт, мы сейчас наметили те стратегии, которые могли бы её «урезонить», немножечко смягчить. Это и терапевтический юмор, в том числе и чёрный, который всё равно выполняет терапевтическую функцию. И стратегия эвфемизации / дизфемизации, стратегия номинации, которые не будут вносить агональность (агон — это погречески непримиримая борьба) в общение между людьми, а, наоборот, способны их примирять и призывать к сотрудничеству в сложных ситуациях в нашей жизни.

Сейчас мы уже понимаем, и это заслуга, я думаю, будет как раз концепции лингвобезопасности, что с обществом надо разговаривать в общем-то доброжелательно, и тогда у нас деструктивная коммуникация будет уменьшаться.

б. Противостояние деструктивным потокам в Сети

Е.С. Павлова. Какие меры мы можем предпринять, чтобы противостоять деструктивным информационным потокам? Конечно, имея такой большой объем актуального материала по информационному освещению пандемии, важно разработать стратегические

программы по подготовке новых специалистов, таких как инфодемолог, где в равной степени будут учитываться информационные и биологические аспекты при освещении тем общественного здравоохранения. Один из механизмов, позволяющих противодействовать распространению токсичного контента, мы видим в том числе в обязательной базовой риторической подготовке для учащихся медицинских вузов, позволяющей овладеть основными инструментами лингвобезопасности.

Тактическими мерами, которые могут дать результаты уже сейчас, может стать совершенствование законодательства в отношении распространения деструктивного контента в Интернете. Есть успешный пример саморегулирования этого вопроса компанией «Яндекс». Как отмечали представители российского поисковика, во время пандемии пользователи часто хотели проверить информацию, связанную с вакцинацией. Была разработана собственная система защиты от недостоверной информации. Теперь, когда пользователь задает запрос, который был выявлен исследователями «Яндекса» как ковидный фейк, он сразу видит опровержение. Это эффективный метод, выработанный в условиях кризиса, но он не может быть тиражирован на весь российский сегмент Интернета. Более универсальным подходом мы считаем маркировку контента с несколькими степенями наносимого вреда: например, вводящая в заблуждение информация, спорные утверждения, непроверенные утверждения. Определять опасность деструктивного контента могут и сами пользователи, и модераторы, как сейчас, например, уже реализовано в социальной сети «В Контакте», так и федеральные органы власти.

Итоги и выводы

Г.Г. Слышкин. Все мы — и представители научного сообщества, и государство — в общем мыслим и действуем в одном направлении. Геймификация является, пожалуй, наиболее эффективным способом пропаганды вакцинопрофилактики в молодежной среде. Насколько я знаю, Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко совместно с Федеральным научным центром исследований и разработки иммунобиологических препаратов им. М.П. Чумакова (создателем вакцины «КовиВак») при поддержке Минобрнауки уже разрабатывает проект музейно-просветительской площадки нового типа (одновременно и материальной, и виртуальной), которая в качестве средства медицинского просвещения населения и пропаганды ценностей вакцинопрофилактики будет использовать именно геймифицированные формы.

Очень важны все прозвучавшие сегодня наблюдения и выводы о языковых и дискурсивных процессах, связанных с ценностями вакцинопрофилактики. Увы, мы вынуждены признать, что язык и дискурс эпохи пандемии отражают не социальное сплочение, а социальное разобщение и рост неприязни и агрессии. Замечу только, что не стоит недооценивать нашу молодежь, она тоже многое понимает. Приведу ещё один пример современного смехового текста: «— Что общего между детьми антипрививочников и сторис? — У вас не так много времени, чтобы на них посмотреть!» Чем интересен этот пример? Обратите внимание на лексему *сторис*. Это лексема из молодежного дискурса, представители старшего поколения могут не знать, что тексты жанра «сторис» недолговечны, и, соответственно не понять шутки. Коль скоро такой текст появился в Интернете, значит, осмеяние антивакцинаторов происходит и в молодежной среде.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Лингвомедийное конструирование события в новостном дискурсе [Текст] / Т.Г. Добросклонская // Медиалингвистика: Материалы V международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2021 г. — СПб.: Медиапайр, 2021. — С. 108–112.
2. Иманкулова Е.В. Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века [Текст] / Е.В. Иманкулова // Человек в мире культуры. — 2012. — № 1. — С. 12–19.
3. Иссерс О.С. Медиафейки: между правдой и мистификацией [Текст] / О.С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 2. — С. 112–123.
4. Клушина Н.И. Введение в интернет-стилистику [Текст] / Н.И. Клушина, А.В. Николаева. — М.: Флинта, 2020. — 240 с.
5. Клушина Н.И. Интенциональность авторского сознания и эффекты в коммуникации [Текст] / Н.И. Клушина // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. — 2022. — № 1. — С. 144–121.
6. Малыгина Л.Е. Лингвобезопасность: антивакцинаторский медиадискурс в контексте аксиологических мировоззренческих трансформаций [Текст] / Л.Е. Малыгина, Е.С. Павлова // Нефилология. — 2022. — Т. 8. — № 2. — С. 324–332.
7. Селезнева Л.В. Оскорбление как способ проявления речевой агрессии [Текст] / Л.В. Селезнева, Н.А. Боков // Риторика и речекommunikативные дисциплины в науке и практике современного общества: Сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике, Москва, 02–04 февраля 2022 года / Сост.-ред. В.И. Аннушкин, А.Г. Жукова, Л.В. Селезнева. — М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. — С. 402–406.
8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи [Текст]. — СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.
9. Слышкин Г.Г. Аксиологический анализ дискурса и реинтеграция предметной области филологии (на примере концепта «радиация») [Текст] / Г.Г. Слышкин // Русский язык за рубежом. — 2020. — № 4. — С. 27–35.
10. Слышкин Г.Г. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений [Текст] / Г.Г. Слышкин, Л.Е. Малыгина, Е.С. Павлова // Верхневолжский филологический вестник. — 2022. — № 1. — С. 64–69.

Мы с вами четко поняли, что для борьбы с деструктивными информационными потоками важны не только усилия лингвистического экспертного сообщества. Очень многое можно почерпнуть из традиций здравоохранения и санитарного просвещения. Вспомните процитированный Ниной Васильевой лозунг: «Здоровье трудящихся — дело рук самих трудящихся». Этот лозунг применим и к лингвобезопасности, т.е. нашему коммуникативному здоровью. Способность социума противостоять любым информационным угрозам, любым манипуляциям формируется не только профессионалами, не только государством.

В информационном обществе каждый человек должен научиться идентифицировать коммуникативные угрозы, противостоять им, защищать тех, кто не способен защитить себя самостоятельно. Я имею в виду стариков, детей. Вот тогда у нас будет абсолютно лингвобезопасная среда.

11. Суходолов А.П. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия [Текст] / А.П. Суходолов, А.М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6. — № 2. — С. 143–169.
12. Труды по истории медицины. Opera medica historica [Текст]: альманах. — М.: М-Принт, 2022. — 514 с.
13. Чиж Н.В. «Коронавирусные чтения» — опыт онлайн-семинара [Текст] / Н.В. Чиж, Е.Е. Бергер, М.С. Тутурская // Труды по истории медицины. Opera medica historica: альманах / Российское общество историков медицины. — М.: М-Принт, 2020. — С. 102–112.

References

1. Dobrosklonskaya T.G. Lingvomedijnoe konstruirovaniye so-bytiya v novostnom diskurse / T.G. Dobrosklonskaya // Medialingvistika: Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 30 iyunya — 02 iyulya 2021 goda. Sankt-Peterburg: Mediapapir Publ., 2021, pp. 108–112.
2. Imankulova E.V. Transformatsiya kontsepta chistoty v kul'ture Rossii XX veka // Chelovek v mire kul'tury. 2012. № 1. S. 12–19.
3. Issers O.S. Mediafeyki: mezhdru pravdoy i mistifikatsiy / O.S. Issers // Kommunikativnye issledovaniya. 2014, I. 2, pp. 112–123.
4. Klushina N.I., Nikolaeva A.V. Vvedenie v internet-stilistiku. Moskva: Flinta, 2020. 240 s.
5. Klushina N.I. Intentsional'nost' avtorskogo soznaniya i efekty v kommunikatsii / N. I. Klushina // Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2022, I. 1, pp. 144–121.
6. Malygina L.E., Pavlova E.S. Lingvobezopasnost': antivaktsinatorskiy mediadiskurs v kontekste aksiologicheskikh mirovozzrencheskikh transformatsiy / L.E. Malygina, E.S. Pavlova // Neofilologiya. 2022. V. 8. I. 2, pp. 324–332.
7. Selezneva L.V. Oskorblenie kak sposob proyavleniya rechevoy agressii / L. V. Selezneva, N.A. Bokov // Ritorika i rechekommunikativnye distsipliny v nauke i praktike sovremennogo obshchestva: Sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po ritorike, Moskva, 02–04 fevralya 2022 goda / Sostaviteli-redaktory: V.I. Annushkin, A.G. Zhukova, L.V. Selezneva. Moskva: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2022, pp. 402–406.
8. Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2021. 550 s.

9. Slyshkin G.G. Aksiologicheskii analiz diskursa i reintegratsiya predmetnoy oblasti filologii (na primere kontsepta "radiatsiya") // *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2020. I. 4, pp. 27–35.
10. Slyshkin G.G., Malygina L.E., Pavlova E.S. Lingvobezопасnost' v aspekte tsennostnykh, ideologicheskikh i sotsial'nykh izmeneniy // *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 2022. I. 1, pp. 64–69.
11. Sukhodolov A.P. «Feykovye novosti» kak fenomen sovremenogo mediaprostranstva: ponyatie, vidy, naznachenie, mery protivodeystviya / A.P. Sukhodolov, A.M. Bychkova // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2017. V. 6, I. 2, pp. 143–169.
12. *Trudy po istorii meditsiny. Opera medica historica: Al'manakh*. Moscow: M-Print, 2022. 514 s.
13. Chizh N. V. "Koronavirusnye chteniya" — opyt onlayn-seminara / N.V. Chizh, E.E. Berger, M.S. Tutorskaya // *Trudy po istorii meditsiny. Opera medica historica: Al'manakh / Rossiyskoe obshchestvo istorikov meditsiny*. Moscow: M-Print Publ., 2020, pp. 102–112.

Информация об участниках круглого стола

Татьяна Георгиевна Добросклонская, д-р филол. наук, профессор, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, почётный профессор Пекинского университета международного сотрудничества.
tatdobro@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2166-8301

Наталья Ивановна Клушина, д-р филол. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель стилистической комиссии международного комитета славистов при ЮНЕСКО.
nklushina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4666-5433

Лидия Евгеньевна Малыгина, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», профессор Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова.
ORCID: 0000-0002-0056-8160, Researcher ID: D-6901-2019

Екатерина Сергеевна Павлова, руководитель блока внутренних коммуникации АО «Русагротранс».
ORCID: 0000-0001-7644-1564
epav1129@gmail.com, тел.: 89175540323

Лариса Васильевна Селезнёва, д-р филол. наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина.
loramuz@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8546-6496

Геннадий Геннадьевич Слышкин, д-р филол. наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
ggsl@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8121-0250

Нина Васильевна Чиж, заведующая российским музеем медицины национального НИИ общественного здоровья им. Семашко.
nina-chizh@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2384-6546

Андрей Александрович Сорокин, эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
andsorokin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2432-4179

T.G. Dobrosklonskaya. Doctor of Philology, Professor, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Professor of Beijing International Studies University.

N.I. Klushina. Doctor of Philology, Professor of Lomonosov Moscow State University, President of the Commission on Stylistics of the International Slavistic Committee at UNESCO.

L.E. Malygina. Doctor of Philology, leading researcher of the research laboratory "Linguistic security and psychology of information impact" of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Higher School (Faculty) of Television of Lomonosov Moscow State University.

E.S. Pavlova. Head of Internal Communications Block, JSC Rusagrotrans.

L.V. Selezneva. Doctor of Philology, Professor of Pushkin State Russian Language Institute.

G.G. Slyshkin. Doctor of Philology, Professor, head of the research laboratory "Linguistic security and psychology of information impact" of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

N.V. Chizh. Head of department "Russian Medical Museum", N.A. Semashko National Research Institute of Public Health.

A.A. Sorokin. Expert of the research laboratory "Linguistic security and psychology of information impact" of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. andsorokin@mail.ru